

Пока для артиста не разрешен этот вопрос вполне, он представляет из себя суховей, колеблемый всеми ветрами, а душа его – непаханое поле. А душа ведь должна сформироваться. Если ты творец, а не пластилин в руках толпы.

Беспомощность, растерянность, вторичность в сознании, поиск образцов для подражания всегда есть признак несформированной души. Потому что живопись есть особая форма образного мышления. Все разговоры о том, что «чем меньше думаешь, тем легче пишешь», – из области писем Хлестакова «милому» другу Тряпичкину. И искусство тогда подобное: очень легкое? Да. Приятное для глаз? Да. Ни-ни, чтобы не раздражало. Ни-ни, чтобы не заставить зашевелиться тщательно убаюканную мысль. Никакой тревоги. Только покой.

Позиция сегодняшнего зрителя напоминает, с одной стороны, позицию мифического страуса, спрятавшего голову в песок. Только позитив. С другой стороны, это позиция потребителя. Только то, что привык.

А собственно, почему?

Потому что укрепилась мысль об управляемом искусстве. Искусство перешло в разряд кулинарных обыденностей. Это даже не высокая кухня, которая удивляет. Это вчерашний борщ.

И закономерно, когда это сервис. Сервисом можно управлять, обладать, употреблять. Надо, чтобы умиротворяло и подходило к обстановке.

Может, поэтому так ценится сейчас в мире высокого искусства творчество безымянных аутсайдеров? Людей, творящих для себя, по своим правилам и не нуждающихся в зрителе. Более того, прячущихся от назойливого внимания.

Это люди, для которых: процесс важнее результата; творчество – форма мышления; для которых достижение – в процессе самопонимания, и можно бросить недописанную вещь, потому что понял всё, что хотел.

Автономность. Творческое «чучхе». Возможность самому себе позволить.

Кто тебе выдает разрешения?

Сам. Потому – творец.

Литература

1. Инго Ф. Вальтер. Пикассо. Taschen, Арт-Родник, 2002.
2. Анри Жидель. Пикассо. М.: Молодая гвардия, 2007.

Кукен ОРШАБЕКОВ,

член Союза журналистов Казахстана

НАЧИНАЛ ОН ПРОСТЫМ УЧИТЕЛЕМ

Вся жизнь Герольда Бельгера была связана с Казахстаном. Здесь он вырос, на этой земле сполна проявил свои многогранные творческие способности. Поволжский немец, волею судьбы оказавшийся в казахских степях, – Гер-аға, как его уважительно называли казахи, стал верным, достойным сыном своей новой родины, её солью. Он был непререкаемым авторитетом, уважаемым аксакалом не только в литературных кругах, но и среди народа.

«Я пронизан всем казахским. И, полагаю, имею право, как Абай и Олжас, сказать об этом. Мир казахов мне с детства близок, я всю жизнь стараюсь его постичь и хочу, чтобы об этом мире как можно больше узнавали не казахи

и казахи, по разным причинам оторванные или оторвавшиеся от своих национальных корней», – писал Герольд Карлович.

Добрую память он оставил о себе и на жамбылской земле. В конце 1950-х годов тогда еще никому не известный выпускник литературного факультета педагогического института имени Абая прибыл по направлению вуза в село Байкадам Сарысуского района Джамбулской области. В этом ауле (ныне Саудамент) два года он обучал местных ребятишек русскому языку, знакомил их с произведениями Пушкина, Толстого, Чехова. В одной из глав своего романа-исповеди «Зов» Г. Бельгер подробно повествует о пребывании в Байкадаме. Это очень интересная история.

Из Алматы они выехали на поезде втроем – Герольд, его друг Казбек, а также сокурсница Рая. Если парней направили учительствовать в Джамбульскую область, то Рае предстояло просвещать детей в далекой Кызылординской области. Но туда она так и не попала. Все карты ей спутал Герольд, давно влюбленный в неё.

Раиса Хисматуллина была типичной городской девушкой. Держалась с достоинством, даже с вызовом, умела за себя постоять, участвовала в художественной самодеятельности, лицедействовала в кружке известного артиста, обладала звучным голосом, великолепной дикцией, знала наизусть множество стихотворений. И вот теперь они оказались рядом, в одном купе – Герольд и Раиса. Но ей предстоит ехать дальше. Герольд не хотел отпускать девушку. И когда их поезд остановился на вокзале города Джамбула, настоял на том, чтобы Рая сошла на перрон вместе с ним. Затем были улажены формальности в областном отделе народного образования. Заведующий отделом образования не решался принять на работу человека, получившего направление в другую область. За такое самоуправство его могли и наказать. Тогда Герольд сделал второй решительный шаг – написал заявление, что готов официально зарегистрировать свой брак с Раисой. Девушке ничего не оставалось, как подписать эту бумагу. Лишь после этой формальности начальник отдела образования созвонился с профильным министерством. Во второй половине дня оттуда пришло сообщение, что не возражают молодым педагогам поработать в одном районе.

Новоиспеченных педагогов в Байкадаме встретили радушно. Местные школы остро нуждались в языковедах. Но условия здесь были далеко не городскими. Конечно, молодые учителя знали, что едут в глубинку, и образно представляли, что это такое. Но реальность оказалась более суровой.

Вот как сам Герольд Бельгер позднее написал об этом в своем романе «Зов»: «Всё было внове. И большое, разбросанное вширь и вкось село, районный центр Сарысуского района, и глинобитная старая школа, похожая на караван-сарай, и восьмилетняя, совсем уж убогая русская школа, и громадный холм, по словам местных жителей, образовавшийся во времена Чингисхана, и парк, заросший колючими кустарниками, пыльной сорной травой, с полуразрушенным летним кинотеатром, развалившимися беседками и каруселями, и типы людей, совсем не похожих на северных или алмаатинцев – казахи, русские, немцы, греки, китайцы, чеченцы, и шумный, многоязычный базар в центре села, и запущенная, облупленная, обшарпанная, полупустая районная гостиница, в которой кроме кипятка нечем было разжиться, и рёв ишаков, лай собак, которые смущенными стайками шастали по свалкам. Словом, Байкадам оставлял впечатление большого аула с претензией на захолустный городок. Однако, всё, что положено быть в районном центре, здесь наличествовало – райком, райисполком, поликлиника, больница, кинотеатр, почтамт, клуб,

библиотека, спортивная площадка, магазин, лавочки, базар, гостиница и другие разные учреждения явно показушного, карикатурного вида, как с неприличиями казалось молодым людям, только что приехавшим из столицы».

Но назад дороги не было. Времена тогда были другие, да и требования к выпускникам вузов были строгие. Надо было, засучив рукава, приниматься за дело, чтобы не осрамить честь института, который тебя обучал тебя в течение пяти лет.

«Молодые супруги пропадали в школе с утра до вечера. Преподавали в обеих сменах, руководили кружками: Рая – театральным и литературным, Герольд – языковым и шахматным, проводили бесконечные конкурсы и семинары. В соседней восьмилетней школе Герольд преподавал казахский, в средней – казахский и русский, а в вечерней школе для взрослых – немецкий язык. Нередко он заменял еще уроки жены, чтобы та могла выкроить хоть какое-то время для неотложных домашних дел, сходить на базар, заглянуть в магазины, уделить внимание сестренке Альме. Уходил Герольд в школу к восьми часам утра и возвращался почти всегда к десяти вечера. Свободными оставались лишь воскресные дни. И даже в эти дни надо было сходить в клуб, прочитать лекцию в библиотеке, побывать на очередной вечеринке, составить поурочные планы, написать бесконечные отчеты о работе классного руководителя, посетить учащихся на дому, чтобы поговорить с родителями. Свободного времени не было совсем. О событиях в мире узнавал по радио на переменах и во время «окон», в то же время проверял тетради. Правда, особых житейских забот не было: ни двора, ни кола, ни скота, ни огорода. Кормились с базара. Довольствовались малым. Родители Герольда так и не поняли: женился он или нет, и можно ли его сокурсницу и теперь коллегу Раю, о которой сын писал в каждом письме, считать «законной» снохой. Но на всякий случай прислали атласное верблюжье одеяло, подушки, простыни, наволочки. Молодожены же жили как на вокзале. Проблемой была топка. Топили во всем районе в основном саксаулом. Был он довольно дорогой, зато давал отменный жар. Эту проблему Герольд решил однажды, выторговав подешевле у бомжей машину саксаула. На второй год жизни Рая и Герольд переселились в освобожденную уехавшими немцами уютно обустроенную полуземлянку в десяти минутах от школы. Крохотная кухонька и спальня с земляным, плотно утрамбованным полом, с одним-единственным окошком на уровне земли, с очень низким потолком, с разукрашенными масляной краской стенами. Убогое жилище обрадовало молодую учительскую чету. Повезло им еще и с соседом – крымским немцем Андреем Андреевичем. Он присматривал за их жильем, позволял брать воду из своего колодца, помогал с растопкой. По просьбе Герольда Андрей Андреевич каждую неделю отправлялся на базар, покупал там козочку, раздeldывал тушку, оставляя себе шкуру, ножки и голову. Козочка стоила дешево, а ее мяса хватало на трех человек на неделю. Иногда Андрей Андреевич за скромную плату приносил огромных сазанов, судаков и шматы свиного сала. Учительской зарплаты с лихвой хватало на всё»¹.

Вскоре Герольд Бельгер стал известен во всем районе. Он читал лекции, покоряя всех прекрасным знанием казахского языка, культуры, традиций и обрядов. Как говорится, парень пришелся ко двору. Неудивительно, что вскоре ему даже предложили вступить в партию: грамотные, общественно активные люди, умеющие убеждать, тогда ценились.

¹ Из книги Владимира Аумана «Герольд Бельгер: Такая выпала стезя».

Раиса, близкие, коллеги – все были единодушны: «Вступай!» И уже через две недели на заседании бюро Сарысуского райкома партии Герольд Бельгер единогласно был принят в члены КПСС. «Это событие утвердило в нём желание и решимость вернуться в Алма-Ату, поступить в аспирантуру», – пишет В. Ауман.

Во время отпуска по пути в родной аул через Алма-Ату Герольд зашел на кафедру русского языка и литературы в свой институт. На его счастье, он встретил там всех знакомых преподавателей. Его узнали, ему обрадовались. Вспомнили преподаватели и его склонность к науке, любовь к тюркологии. На его признание о желании поступить в аспирантуру ответили, что на тюркологии мест нет, а вот на кафедре методики преподавания русского языка и литературы в казахской школе есть место.

После сдачи экзаменов Герольд вернулся в Байкадам. Душу терзали сомнения. К тому же и Раиса всё чаще твердила: нет, больше не выдержу, не могу. В школу она ходила через силу. Им обоим не терпелось быстрее вырваться из этого захолустья в столицу, туда, где жизнь бьет ключом, где есть большие возможности для творческой реализации.

Друзья, коллеги не хотели с ними расставаться: «Ну что еще вам надо? Крыша над головой есть. Часов в школе навалом. Вас все любят, уважают. Базар, клуб, школа рядом. Обзаведитесь коровой, овцами. Живите как все. Очень скоро встанете на ноги. Выкиньте из головы мечты о городской жизни. Вы же не в захолустном ауле прозябаете, а живете в районном центре». Но все их доводы были напрасными. Герольда и Раису уже не могло ничто остановить. И в это время пришла долгожданная телеграмма из Алма-Аты: «Вы зачислены в аспирантуру КазПИ имени Абая. Начало занятий – 20 октября».

Прощание со школой, с коллегами и односельчанами было грустным. Более двух лет прожил Герольд Бельгер с женой и сестренкой в степном Байкадаме. Этот уголок Казахстана стал в его жизни не только местом, где он испытал себя как учитель, прошел суровую школу жизни простых сельских людей, пишет Владимир Ауман. Здесь, в Байкадаме, он встретил человека, в беседах и общении с которым закалил свою гражданскую позицию и окончательно закрепил свою точку зрения на проблемы российских немцев. До конца своей жизни он с благодарностью вспоминал свои встречи и беседы с ссыльным учителем Иосифом Кондратьевичем Келлером.

Сегодня в обществе немцев Жамбылской области бережно и трепетно относятся ко всему, что связано с жизнью и творчеством Герольда Бельгера. Председатель общества Александр Гибнер прилагает немало усилий для того, чтобы о литературных трудах и активной общественной деятельности знаменитого соотечественника знало как можно больше наших земляков. Александр Гибнер проделал большую работу по поиску материалов, связанных с пребыванием знаменитого соотечественника в Байкадаме: нашел людей, с которыми работал и общался молодой педагог, обратился к архивистам в надежде найти какие-нибудь документальные свидетельства. И кое-что удалось отыскать. В архиве областного управления образования найден годовой отчет о работе школ Сарысуского района за 1958–1959 учебный год. Есть в этом документе и строки, посвященные методике преподавания учителя Г. Бельгера. Привожу их дословно: *«Методически правильно строит уроки русского языка и литературы в старших классах молодой учитель Байкадамской СШ Бельгер Г. К. У него уроки выделяются хорошей организацией. Он практикует после опроса и перед началом объяснения новой темы обобщения пройденного, что способствует систематизации знаний учащихся и облегчает процесс усвоения новых знаний, базирующихся на уже известном*

школьникам материале. Товарищ Бельгер на своих уроках использует наглядность, для упражнений по грамматике приводит литературные примеры, в нужных случаях прибегает к методу сопоставления русской и казахской грамматики. Знание казахского языка позволяет ему при объяснении делать переводы отдельных слов и выражений на родной язык учащихся, способствующие лучшему усвоению содержания литературных текстов».

Той глинобитной школы, в которой когда-то учительствовал Герольд Бельгер, уже нет. Но старожилы села помнят молодого немца, который обучал местных ребятишек русскому языку. Эта память передается от старших подрастающему поколению. Недавно А. Гибнер побывал в средней школе села Саудакект. Его встретили радушно. Здесь гордятся тем, что в их селе учительствовал известный писатель. О его активной гражданской позиции, о вкладе в развитие казахской культуры и языка педагоги рассказывают на уроках своим ученикам. В школьном музее планируют создать уголок, посвященный памяти Герольда Бельгера. А учительница казахского языка и литературы Забира Бопежанова поведала гостю о том, что её отец Кахарман Бопежанов работал в конце 50-х годов прошлого века с Герольдом Бельгером в одной школе. Была знакома с писателем и её старшая сестра Алия, ей 72 года, и живет она в Алматы. Будучи театральным критиком в академическом театре имени Мухтара Ауэзова, Алия, по её воспоминаниям, тесно общалась с Гер-аға в творческом плане.

Трудно сказать, как бы сложилась жизнь Герольда Бельгера, останься он в Байкадаме. Наверное, до самой пенсии учительствовал бы в школе, и никто бы о нем за пределами Сарысуского района не знал. Но судьба распорядилась по-своему. Молодой орел вылетел из гнезда на широкие просторы. И в этом полете окрепли его крылья, зорче стал взгляд, и новые высоты открылись перед ним.

Жизнь в ауле с чисто казахским населением, несомненно, сыграла важную роль в становлении Герольда Карловича. Но в подобной ситуации были ведь тысячи сосланных в Казахстан людей. И только Герольду Бельгеру благодаря его неустанному труду и таланту открылся путь сразу к трем мирам: казахскому, русскому и немецкому. Бельгер написал более пятидесяти книг, в том числе «Сосновый дом на краю аула», «Чайки над степью» на немецком языке, «За шестью перевалами», «Брат среди братьев», «Каменный брод», «Завтра будет солнце», «Земные избранники (Гёте, Абай)», «Помни имя свое», «Казахское слово», «Дом скитальца» и другие. Он является автором более 1800 публикаций на разных языках. Г. Бельгер перевел с немецкого на русский язык 20, с казахского на русский – более 200 прозаических произведений. Благодаря его переводам стали доступны для русскоязычного читателя произведения Беймбета Майлина, Габита Мусрепова, Абдижамила Нурпеисова и других казахских авторов. Так он сблизил народы и культуры, делал их доступными и понятными друг другу. Ему льстило, когда его называли казахом. Но на причины обретения своего места в Казахстане, на истоки своих успехов он смотрел шире и глубже своих современников. Свое преданное отношение к культуре и языку казахов он рассматривал как своеобразную плату за их доброе отношение к немцам и ко всем переселенцам. Однако в любой ситуации Бельгер всегда позиционировал себя прежде всего как немца.

К сожалению, большая часть жизни писателя складывалась из лишений, преодоления приступов и обострений болезней, душевных терзаний. Он находил утешение в труде: в художественных переводах, создании романов, повестей, рассказов.

Жизнь Герольда Карловича, пронизанная беззаветной любовью к Казахстану, является примером истинного патриотизма. Его творческое наследие стало бесценным достоянием нашей культуры, а высокие духовно-нравственные принципы, которые лежали в основе его непростого жизненного пути, являются вдохновляющим ориентиром для людей разных поколений. Благодаря его трудам мир в значительной степени узнал казахскую литературу.

«Эта славная жизнь начиналась очень горько. С несправедливости и ссылки. Затем был путь беспримерного мужества и борьбы с болезнями и косностью. Затем – долгая писательская дорога. Миллионы исписанных страниц, сотни тысяч слов. Мыслей. Откровений. Заканчивалась эта жизнь в атмосфере всеобщего признания и почитания. И теперь уже можно с уверенностью говорить о том, что это была прекрасная жизнь. Честная. Достойная. Уникальная. Он всех нас любил. Он всем нам завещал быть людьми. Несмотря ни на что. Наверное, это самая трудная задача в жизни каждого. Сохранить в себе человека. Бельгеру это удалось. Получится ли у нас?» Эти строки принадлежат кинорежиссеру и писателю Ермеку Турсуну, который ценил и уважал Герольда Карловича.

Свой гражданский и писательский долг Герольд Бельгер выполнил сполна. А что можем сделать мы в память о нем? В прошлом году на совещании деятелей литературы и искусства Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев сказал, что юбилей Г. Бельгера должен быть отмечен «широко и масштабно по разным направлениям». Полагаю, что мероприятия, приуроченные к 90-летию писателя и общественного деятеля, пройдут и в нашей области.

Юбилей Герольда Бельгера – отличный повод для проведения всевозможных мероприятий на патриотическую тематику, в том числе по пропаганде государственного языка. Почему бы ведомствам, отвечающим за идеологию, культуру, воспитание подрастающего поколения, не организовать конференции, круглые столы и иные мероприятия, посвященные жизни и творческому наследию Г. Бельгера через призму его активной гражданской позиции? Не лишней бы оказалась и постановка спектаклей по произведениям писателя на театральной сцене.

И еще одно существенное пожелание: почему бы именем Герольда Бельгера не назвать одну из улиц города Тараза? Вполне оправданным было бы и решение о присвоении его имени Дому дружбы в областном центре. Об этом стоит задуматься местным чиновникам, ведающим вопросами ономастики. Разве человек, сблизивший народы и культуры, многое сделавший для пропаганды и развития казахской литературы, заслуживает лишь скромного памятного уголка в музее сельской школы?

